Гарри по-настоящему любил Грейнджеров. Как бы сильно он ни любил своих родителей, были вещи, которые они не могли ему дать. Нежность вечернего объятия, укладывания спать и поцелуя в лоб. А Грейнджеры баловали его этими простыми, но такими важными знаками любви. Он понимал, что родители заботятся о нем, но Грейнджеры могли выразить эту заботу физически, и это привело к тому, что он привязался к ним так же сильно, как и к их дочери. Когда они открыли стену между его свободной комнатой и спальней Гермионы, чтобы они могли жить в одной комнате, Гарри не смог сдержать слез радости. Прошло почти полчаса, прежде чем друг смог утешить его настолько, чтобы он смог устроиться на ночь. Он был поражен тем, как Грейнджеры с пониманием относились к его внезапным визитам. Сегодня он даже не знал, почему его отправили остаться. Просто Тибальт вернулся из какой-то очень долгой поездки, о которой ему не следовало спрашивать, и это потребовало от него остаться у Гермионы. Не то чтобы он был против. В этом мире было мало мест, где он чувствовал себя счастливее и безопаснее, чем на Рингвуд Клоуз, 53. За те месяцы, что прошли с тех пор, как он впервые привез Гермиону домой, в Мэнор, количество его ночевок значительно увеличилось. Теперь он бывал там почти два раза в месяц и быстро стал считать Ричарда и Натали своими вторыми родителями. Когда сегодня вечером, укладывая его спать, он случайно назвал Натали "мамой", она вздрогнула, и Гарри забеспокоился, какой будет ее реакция. Однако через несколько секунд она поцеловала его в лоб и пожелала спокойной ночи, после чего сделала то же самое с Гермионой и вышла из комнаты. Сердце Гарри колотилось ещё целую вечность, и только когда Гермиона проскользнула рядом с ним и обняла его, он успокоился. — Они любят тебя, ты знаешь. Она уже думает о тебе как о сыне, — прошептала Гермиона ему на ухо. — Я нисколько не возражаю. Нет никого, с кем бы я хотел разделить свою семью, кроме тебя, — Гарри кивнул и плотнее прижался к Гермионе, наконец-то позволив беспокойству, сжимавшему его сердце, утихнуть и расслабиться в ее объятиях. И ему не потребовалось много времени, чтобы уснуть.Ремус никогда в жизни не ступал на порог такого великолепного поместья. Благодарный за то, что они не знали о его состоянии, он много раз гостил у семьи Сириуса в юности и видел роскошь темных чистокровных, но это поместье было на голову выше даже этого. Несмотря на богатую мебель и причудливые картины, украшающие стены, здание оставалось светлым и открытым. Здесь царила атмосфера домашнего уюта, и многие люди, изображенные на картинах вдоль стен, приветливо улыбались ему, когда он проходил мимо. Прошло уже несколько часов с тех пор, как эльф подбросил его в ванную комнату, которая не уступала даже префектской в Хогвартсе. Пользуясь случаем, он вымылся дочиста и теперь чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние годы. Но от любопытства было трудно уберечься, и вместо того, чтобы позвать Тибальта, как ему было велено, он отправился в дом, чтобы найти хоть какую-то подсказку, где он находится. Осмотр многочисленных окон ничем не помог. Сады, простиравшиеся от поместья, не давали никаких очевидных подсказок, а ясная звездная ночь означала, что поблизости нет маггловских поселений, полных электрических огней. Судя по тому, что он видел снаружи, он мог находиться в любой точке мира. Поэтому ему оставалось лишь использовать внутренние подсказки, чтобы разобраться в ситуации. Архитектура дома выглядела вполне подходящей для богатой чистокровной семьи из Англии, но он никогда раньше не посещал этот дом. Не то чтобы многие чистокровные англичане охотно приняли бы в свой дом оборотня не только ради спортивного интереса. Он следил за новостями с острова, где родился, и знал, что какая-то ужасная женщина по имени Амбридж помогла принять несколько ужасных законов, касающихся его рода, пока он отсутствовал. Вряд ли он теперь найдет в этой стране работу. Но об этом мы поговорим в другой раз. Он понял, что слышит голоса в комнате впереди, и перешел в режим мародера, чтобы подкрасться достаточно близко, чтобы услышать. — Он давно закончил купаться, госпожа. Сейчас он бродит по коридорам, — раздался тихий голос. — И вы просто позволили ему? Он же оборотень! — ответил другой голос. — Замолчи, Боб. То, что ты был фанатиком, не означает, что кто-то еще здесь не согласен с его состоянием. В котором он нисколько не виноват, — раздался знакомый голос. Голос, которого он не слышал уже много лет, но так и не

смог определить, откуда он доносится. — Планируешь ли ты пригласить его к нам в ближайшее время, Тибальт? — спросил этот голос. — Да, хозяин, — Ремус замер, когда эльф вышел в коридор и посмотрел прямо на него. В его глазах не было обвинения, и теперь он понял, что они точно знали, где он был, пока бродил по коридорам. Нахальная ухмылка расплылась по его лицу, когда он выпрямился и кивнул эльфу, который направил его в комнату. — Да, хорошо. Очень правильно, — сказал голос. Ремус поправил одежду и вошел в комнату, оглядываясь по сторонам в поисках тех, кто разговаривал с эльфом. Он никого не нашел. В комнате было пусто, кроме трех стульев и большой картины, занимавшей всю левую стену комнаты. Стулья стояли под углом к картине, а справа от них находился небольшой столик, на котором стояло блюдо с бокалами. — Сюда, Ремус. Давно не виделись, — раздался знакомый голос. Ремус повернулся к картине и осмотрел ее. Это был огромный семейный портрет, с которого на него смотрело более сотни лиц. Цвет волос и глаз был самым разным, и хотя у многих были похожие носы и подбородки, было много и разных. Ему потребовалось мгновение, чтобы найти машущую рукой фигуру, которая назвала его имя, и он задохнулся, узнав наконец лицо Шарлуса Поттера. — Может быть, присядем? — заявил Шарлус, указывая рукой на один из стульев. Ремус тяжело опустился в кресло и продолжил смотреть на отца своего давно умершего друга. Давно умершего отца его друга. Это было поместье Поттеров. Он никогда раньше не посещал это поместье, не доверяя в юности семье своих самых близких друзей. И хотя после рассказов Сириуса о Блэках он не испытывал беспокойства за них, Джеймс и его семья значили для оборотня гораздо больше. — Ты выглядишь немного шокированным. Может, выпить? — спросил Шарлус. — Чай, пожалуйста, — сказал Ремус, когда Тибальт встал рядом с ним и попытался привести в порядок свои разрозненные мысли. — Ты отправил сообщение? — спросил Ремус. Шарлус улыбнулся ему. — Нет, дорогой мальчик. Я знал о вашей маленькой труппе, но не я к вам обращался. Просто я был выбран, чтобы быть твоим первым встречающим. — Я отправил сообщение, — прошептал Ремус, голова его мотнулась, словно от удара. Небольшой урон, нанесенный его телу, мозг словно не замечал. Голос, этот голос, он никогда не забудет. Взгляд Ремуса зацепился за лицо старшего друга, запечатленное на портрете. — Джеймс…— Привет, Муни. Как печень? — с картины раздался знакомый голос, полный жизни.В ответ на это приветствие с портрета прозвучало несколько разных голосов: смех, ругань, недоумение. Ремус был слишком потрясен, чтобы говорить. Когда же Джеймс успел написать портрет? Он выглядел так же, как и в последний день, когда они виделись, даже одет был в ту же рубашку и мантию. — Как? — еле выдавил из себя Ремус.— Ну, видишь ли, Муни, — Джеймс улыбнулся с картины, — в этом мире есть группа людей, назовем их художниками. И они используют кисти и краски, чтобы записывать…

http://tl.rulate.ru/book/103225/3577702